

Лебедева М.М. Политическая система мира: проявления «внесистемности»: или новые акторы – старые правила / М.М. Лебедева // «Приватизация» мировой политики локальные действия – глобальные результаты // Под ред. М.М.Лебедевой. – М.: Голден Би, 2008. – С. 53-66.

Политическая система мира: проявления «внесистемности», или новые акторы – старые правила
М.М. Лебедева

В конце XX – начале XXI столетия в мировой политике все чаще стали возникать феномены, которые представляются «странными», «непонятными», «плохо объяснимыми». Они скорее «схватываются» на уровне интуиции, причем, часто даже не исследователями, а журналистами, аналитиками, занимающимися текущими событиями, и выражаются, если перефразировать Шекспира, словами: «что-то не ладно в глобальном королевстве». В качестве примеров таких феноменов можно привести внезапный распад Советского Союза и биполярной системы мира; неожиданные террористические акты «Аль-Каиды»; антиглобалистские выступления; погромы в городах Франции, Германии, других европейских государств в ноябре-декабре 2005 г., организованные выходцами из стран Ближнего Востока, Азии, Африки. Волна этих выступлений докатилась даже до Австралии. Попытки повторения событий 2005 г. предпринимались и осенью 2006 г., хотя, конечно, масштаб акции был несопоставим. Список событий, не укладывающихся в привычные четкие рамки разделения внутренней и внешней политики, внешней политики тех или иных государств на мировой арене можно без труда продолжить.

Обычно рассмотрение этих событий проводится аналитиками вне их связи друг с другом. Авторы часто ограничиваются лишь описанием явления, а, если и проводят анализ, то слишком разнородными оказываются их объяснения. Так, в последнее время очень много пишется об «Аль-Каиде», но мотивы ее деятельности, либо «остаются за кадром», т.е. не обсуждаются, либо называется целый блок причин, которые в той, или иной степени действительно имеют место, но плохо объясняют сам феномен. Например, в

качестве объяснения террористических актов «Аль-Каиды» называется недовольство стран «глобального Юга» сохранением (а по ряду параметров и усилением) разрыва между «глобальным Югом» и «глобальным Севером»; развитие новых технологий, позволяющие создавать глобальные террористические сети; односторонность политики США, вызывающую ответную реакцию в других частях мира; «столкновение цивилизаций», в частности христианской и мусульманской и т.п. Множество подобных объяснений приводится и при анализе антиглобалистских движений, при этом, правда, особо подчеркивается их антизападная направленность.

Единственное, пожалуй, с чем соглашаются различные авторы, это то, что, описываемые феномены, по своей сути, являются выражениями недовольства существующим положением дел. В принципе в этом нет ничего нового. В истории, в частности в истории XX в., можно найти примеры, когда такие реакции недовольства охватывали страны, регионы и сопровождалась ростом национализма, авторитаризма, фашизма, проявлением разного рода конфликтов (политических, на национальной почве и др.), но одновременно и ростом национально-освободительных движений, свержением диктаторских режимов и т.п. Усиление подобного рода событий обычно является индикатором значимых поворотов в истории. Можно предположить, что чем масштабнее (по географии охвата, по силе выступления, по политическим последствиям и т.д.) и разнообразнее все эти проявления, тем серьезнее проблема, лежащая в их основе.

Другая группа авторов идет не от интерпретации отдельных фактов, как предыдущая, а пытается найти то, что условно может быть названо «основным противоречием» современной эпохи. Тогда феномены, перечисленные выше, находят объяснение в рамках различных теоретических подходов. Пожалуй, наиболее распространенными объяснительными концепциями всех этих явления, выступают различные варианты неомарксизма и идея конфликта цивилизаций.

Неомарксисты исходят из экономического детерминизма и видят проблему в социально-политическом неравенстве современного мира, которое и выступает главным объяснительным принципом всех антиобщественных и антизападных акций. Причем, как пишет И. Валлерстайн, полупериферия наряду с периферией оказывается той областью, где зарождается протест¹. В этом смысле становится понятным, как считают неомарксисты, почему в арабских странах особенно сильно проявляются антизападные настроения. Этот регион, согласно классификации мир-системной теории, представляет собой полупериферию, которая, с одной стороны, имеет средства большие, чем необходимо для выживания (как в странах периферии). С другой стороны, полупериферия не может на равных состязаться ядром, представленным странами Запада. В свое время, пишет И. Валлерстайн, такой полупериферией была Россия, что и породило Октябрьскую революцию².

Сегодня под определение полупериферии попадает, прежде всего, арабский мир. Следуя неомарксистской логике, можно предположить, что к полупериферии относится и целый ряд стран Латинской Америки. Здесь также растет недовольство, поэтому в последние годы победу на выборах в этих государствах все чаще одерживают те, кто выступает с антизападными (прежде всего анти-американскими) позициями и выдвигает социально-ориентированными требования и программы.

В отличие от неомарксизма, в цивилизационной теории С.Хантингтона противоречия современного мира лежат не в социально-экономическом неравенстве, а в различии, прежде всего, ценностей. Надо сказать, что вообще представления о цивилизационной разнородности мира довольно распространены и разрабатывались многими авторами, на что указывает сам С.Хантингтон³. При этом само понятие «цивилизация» часто выступает скорее как метафора, включающая в себя обязательно

¹ Wallerstein I. The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century. – Minneapolis: University of Minnesota Press. – 2000.

² Там же.

³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСЕ: АСТ Москва, 2006.

ценностный компонент, который распространяется на образ жизни, естественную логику (т.е. того, как строятся умозаключения), политическое устройство, религию и т.п.

Следует отметить, что если социально-экономическое неравенство в принципе может быть уменьшено путем компромиссов за счет перераспределения, то ценностный конфликт вообще исключает компромиссные решения. Об этом писал, в частности, Ж.-М. Гуэнно, обращая внимание на то, что в свое время при заключении Вестфальского мира исходили именно из интересов, а не из ценностей, поскольку по ценностям невозможны компромиссы⁴. По своей природе ценностный конфликт – это конфликт с нулевой суммой. Иными словами, его разрешение предполагает уничтожение противоположной стороны, если не физическое, то, по крайней мере, на ценностном уровне. Конечно, и социально-экономическое неравенство может быть представлено в виде конфликта с нулевой суммой, если исходить из непримиримого противостояния ценностей различных классов, или иных больших социальных групп. В таком случае конфликт превращается в ценностный: ценности одного класса противопоставляются ценностям другого класса, что и отражается в марксистских представлениях о конечной победе пролетариата во всемирном масштабе.

Согласно С.Хантингтону, западной цивилизации противостоят другие цивилизации, в том числе исламская, переживающая эпоху возрождения. «Исламское Возрождение, - пишет С.Хантингтон, - это последняя фаза в приспособлении исламской цивилизации к Западу, попытка найти “решение” не в западных идеологиях, а в исламе. Она состоит из принятия современности, отвержения западной культуры и возвращению к исламу как проводнику в жизни и в современном мире»⁵. Другие цивилизации также стремятся проявить себя. В результате «относительно простая двухполюсная картина

⁴ Guehenno Jean-Marie. Globalization and International System // Journal of Democracy. – 1999. – N 7. – P. 22-35.

⁵ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСЕ: АСТ Москва, 2006, с. 161-162.

холодной войны уступает место намного более сложным отношениям в многополюсном, полицивилизационном мире»⁶.

Интересно, что книга С.Хантингтона «Столкновение цивилизаций» появилась в оригинале в 1996 г. Тогда в Латинской Америке не наблюдался еще феномен, получивший впоследствии название «левого поворота» (при всей условности и неоднозначности данного термина), поэтому С.Хантингтон советует поддерживать вестернизацию Латинской Америки, подчеркивая, правда, что это другая цивилизация. «Хотя Латинская Америка и является отпрыском европейской цивилизации», - пишет он, - «ее путь исторического развития в корне отличается от европейского и североамериканской. Присущая ей клановая и авторитарная культура для Европы значительно менее характерна, для Северной Америки не характерна вовсе»⁷.

Кроме неомарксизма и конфликта цивилизаций при объяснении проблем современного мира нередко прибегают к тезису о том, что гегемонистская и односторонняя (унилатералистская) политика США порождает все эти недовольства⁸. Авторы, выражающие эту точку зрения, сознательно или неосознанно могут придерживаться различных теоретических взглядов – неомарксистских (тогда подчеркивается роль США в поляризации мира по социально-экономическому параметру), неореалистских (в этом случае обсуждается вопрос о неэффективности и недопустимости монополярного мира) и даже неолиберальных. В последнем случае вариантов аргументации несколько. Например, в рамках институционализма унилатерализм США осуждается и противопоставляется деятельности международных организаций.

Все названные подходы в какой-то степени отражают реальность. Однако сложности возникают, как только ставится вопрос, почему именно сегодня мир сталкиваемся с множеством очень разных противостояний и конфликтов? Не понятно, почему в эпоху холодной войны не было значимых цивилизационных конфликтов? Ведь

⁶ Там же С.393.

⁷ Там же. С.54-55.

⁸ См. напр., Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001.

цивилизации были всегда, так же, как и социально-экономическое неравенство мира. В этом смысле нет ничего нового. Аргумент о том, что цивилизационные конфликты «снимались» блоковым противостоянием двух сверхдержав, не убедителен в рамках логики самих же представителей цивилизационной парадигмы, поскольку для них именно цивилизационные противоречия являются наиболее значимыми.

Возникает и другой вопрос. И цивилизации, и «Глобальный Север – Глобальный Юг» очень аморфны в организационном отношении. Трудно назвать достаточно значимых акторов, за исключением, пожалуй, «Аль-Каиды» и некоторых еще экстремистских организаций, которые могли бы быть проводниками их идей. Поэтому остается не ясным, через какие механизмы эти плохо организованные образования – цивилизации или «Глобальный Юг» влияют на политический мир и изменяют его?

Тезис о гегемонистской политике США также не дает ответов на целый ряд вопросов, в частности, почему, прежде всего Европа, а не Америка в таком случае столкнулась с протестными движениями в конце 2005 г.? Почему в эпоху биполярного мира не было столь явного сопротивления сильнейшим державам, которые навязывали свои нормы остальным?

На каждый из этих вопросов, в отдельности можно найти ответы. Проблема возникает, как только вопросы задаются в комплексе, в «одном пакете». Это означает, что и ответы следует давать «комплексно». Представляется, что корни политических проблем, с которыми сталкивается современный мир и которые выражаются в множестве разнородных и разноуровневых конфликтов, находятся в его **политической системе**, Эта политическая система начала складываться в Европе более 350 лет в результате окончания Тридцатилетней войны, в которой участвовала по разным причинам, в том числе

религиозным, династическим, территориальным и др., значительная часть европейских государств⁹.

Подписание Вестфальского мира в 1648 г. стало важнейшей в историческом и политическом развитии вехой, ознаменовавшей собой формирование политической системы, которая в дальнейшем распространилась по всему миру. Политическая система получила название по месту заключения мира – Вестфальской, и/или по основному принципу, который был положен в основу мирных договоров – государственно-центристской, поскольку идея национального государства, обладающего суверенитетом, явилась ключевой. Это была величайшая социальная инновация, позволившая преодолеть многочисленные конфессиональные, территориальные, этнические и другие противоречия, раздиравшие Европу середины 17 в.

Можно шутить, перефразируя фразу Дж. Оруэлла относительно того, что все государства, безусловно, равны, но некоторые из них равнее, тем не менее, в правовом отношении национальный суверенитет действительно уравнивал все страны, независимо от их различных характеристик - формы правления, размеров, военной и экономической мощи и т.д. - и дал возможность выстроить основы международного права.

Гениальность создателей Вестфалия в том, что они не просто решали проблемы, стоящие перед Европой середины 17 в. (насколько вообще их можно было решить), а через принцип суверенитета заложили основы политической системы и возможность ее развития. Ее суть проста: национальные государства (т.е. государства, вошедшие в Вестфальскую систему) обладают все полнотой власти на своей территории и равны во вне. К этому следует добавить негласное положение о том, что суверен, наделенный властью, несет ответственность (прежде всего перед богом) за своих подданных.

Национальный суверенитет стал своеобразным «общим знаменателем» (если использовать математическую метафору) для многочисленных и разнообразных акторов,

⁹ См., в частности, Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004; Keohane Robert O. and Nye Joseph S. (Ed.) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1972.

который позволил упорядочить их деятельности внутри и за пределами национальных государств, а само государство сделало некоей структурной «единицей», главным звеном зародившейся политической системы.

Государство как форма политической организации общества, разумеется, существовало и до заключения Вестфальского мира. Главное, что было сделано благодаря двум договорам, заключенным по итогам Тридцатилетней войны, это сформирована именно **система отношений государств**, предполагающей определенные правила поведения, суть которых и отражал принцип национального суверенитета. Отсюда, и понятие «национальное государство», которое используется в том случае, если надо подчеркнуть, что речь идет о государстве Вестфальской системы.

Как ни парадоксально это может звучать сегодня, но именно тогда государства ограничили себя, согласившись, что им не все дозволено, а именно, нельзя вмешиваться в дела других государств, входящих в систему. Кстати, в этом смысле «железный занавес», отделявший Советский Союз от государств Западной Европы и США, был полностью в рамках Вестфальской системы. В этой логике были допустимы и колониальные войны, поскольку они велись не против национальных государств, а против «иных» государств, территорий и т.п., которые были «вне системы»

Конечно же, изобретение национального суверенитета не избавило мир от его многочисленных нарушений, которые приводили все же к войнам внутри системы, в том числе, и двум мировым, но эти войны были, во-первых, нарушением международного права, т.е. нарушением правил взаимоотношений и взаимодействия, нарушением договоренностей. Во-вторых, что особенно важно сейчас подчеркнуть, во всех этих завоеваниях речь не шла об отказе от принципа суверенитета как важнейшего правового и политического принципа, а также о ликвидации государства в качестве структурной единицы политической системы. Несмотря на многочисленные войны под сомнение не ставились политические правила взаимодействия. Иными словами, войны вели к

перераспределению ресурсов, территорий и т.п., но не к пересмотру основ политического устройства мира.

Вестфальская политическая система не была застывшей на протяжении последующих веков. Она развивалась, изменялась, расширялась, охватывая все большее число стран. Проанализировать, как это происходило и что происходило с политической системой – важнейшая задача системной истории международных отношений, где в центре исследования оказывается главный актер – национальное государства. Пока таких работ нет, а существуют лишь подходы, с одной стороны, прослеживающие, чем возникшая в 17 веке система отличалась от того, что было ранее¹⁰, каковы «идейные истоки» Вестфальской политической системы¹¹, с другой – терминологически фиксирующие новую область политико-исторических исследований¹².

Вестфальская модель политического устройства, несомненно, была западным проектом в том смысле, что его идея родилась в Западной Европе и основывалась на европейским нормам, ценностях и образе жизни. Здесь же она и была впервые реализована, а затем отчасти искусственно за счет колониальных завоеваний, отчасти естественно распространена на другие континенты. В конце XX – начале XXI века США, заняв лидирующие позиции в военно-политической, экономической областях, а также в сфере массовой культуры¹³, стали символом западного проекта.

Логическое завершение Вестфальская система получила во второй половине XX столетия, что связано с двумя событиями:

1. Активным и массовым выходом на мировую арену негосударственных транснациональных акторов;
2. Распадом колониальной системы и формированием новых государств.

¹⁰ См., напр., Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations*. – Oxford University Press, 2000.

¹¹ См., напр., Барабанов О.Н. *История мировой политики. Эпоха Древнего мира*. – М.: МГИМО, 2006.

¹² См. Богатуров А.Д. и др. *Системная история международных отношений в 2-х томах*. – М.: Культурная революция, 2006.

¹³ Nye J. *The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go it Alone*. – Oxford: University Press, 2002.

В международном плане при всех изменениях понятия «суверенитета» на протяжении истории, его нарушениях, развитии самих государств и т.д. классическая Вестфальская система мира оставалась построенной на том, что активными участниками (актерами) международного взаимодействия были только государства. Однако во второй половине XX столетия в недрах государственно-центристской модели мира начали энергично действовать и иные акторы – межправительственные организации, международные неправительственные организации и движения, ТНК, внутригосударственные регионы и мегаполисы и т.п., получившие название негосударственных транснациональных акторов (ТНА). На этот факт еще в начале 1970-х гг. указали Р. Кохэн и Дж. Най¹⁴.

Деятельность негосударственных ТНА в последние годы нередко приводит к тому, что можно назвать «феодализация», к растаскиванию по кусочкам политической сферы. Причем, от государства стали «уходит» такие области, которые всегда принадлежали ему, прежде всего – безопасность. Так, негосударственные акторы начали заниматься доставкой гуманитарных грузов в зоны конфликтов, обучением военного персонала, охраной объектов и т.п. В то же время нередко функции государства в таких сферах, как экономическая и социальная – напротив, расширяются; явно увеличиваются возможности государств воздействовать на своих граждан с помощью электронных средств (отслеживание их перемещение, контроль за финансовыми потоками и т.п.).

В целом деятельности деятельность ТНА привела к тому, что границы национальных государств стали в значительной степени прозрачными. Это и составило суть глобализации, что отмечали такие исследователи как, Дж. Най, Р. Кохэн, Дж. Розенау и др., а также повлекло за собой эрозию, а затем и предкризисное состояние Вестфальской системы мира. Обладая значительными ресурсами влияния на мировую политику, причем

¹⁴ Keohane Robert O. and Nye Joseph S. (Ed.) *Transnational Relations and World Politics*. Cambridge: Harvard University Press, 1972

не обязательно материальными¹⁵, транснациональные акторы порождают в ней «внесистемные явления».

Следует подчеркнуть, что негосударственные ТНА, конечно, возникли «не вдруг», а были сформированы длительным этапом исторического развития внутри Вестфальской системы. Рассмотрение процесса становления транснациональных акторов представляет собой отдельную исследовательскую задачу. Сейчас важно отметить, что новыми, как порой называют ТНА, они лишь являются в смысле принципиально иных масштабов деятельности и влияния на мировые политические процессы в конце XX – начале XXI вв.

Пожалуй, наиболее серьезные изменения в политической системе мира происходят не в связи с деятельностью ТНА, а на уровне государства. Однако этот аспект вообще упускается из виду. Когда речь идет об изменении политической системы мира, обычно акцент делается на негосударственных транснациональных акторах и забывается о ключевом акторе - государстве. Отчасти этот факт можно объяснить тем, что само государство фактически выпало из фокуса исследователей в области международных отношений, которые отдали его политологом, оставив себе только внешнюю политику. Более того, основное внимание уделялось внешней политике государств-лидеров, другие государства попадали в исследовательский фокус специалистов в области международных отношений обычно лишь в случае возникновения международных конфликтов или иных проблем. На самом деле, эрозии Вестфальской политической системы не в меньшей, если не в большей степени, способствовало то, что произошло с самой системой государств.

До второй половины XX столетия мир фактически делился на государства Вестфальской системы и остальные, находившиеся вне системы. Последние захватывались, что составило суть колониальных войн. Во второй половине XX в., когда рухнула колониальная система, мир почти полностью стал состоять из совокупности

¹⁵ Подробнее см. Лебедева М. Новые транснациональные акторы и изменение политической системы мира // Космополис. – 2003. № 3. – С.28-38.

независимых государств. Эти новые государства как бы «автоматически» вошли в уже существовавшую политическую систему.

С этого момента Вестфальская система стала общемировой, или глобальной, поскольку государств вне этой системы практически не осталось. Однако многие из вновь вошедших в политическую систему государств по своим основным параметрам оказались «невестфальскими», а значит и «внесистемными», т.е. внешне у них имелись все необходимые институты и механизмы государственной власти, но реально отношения выстраивались на основе родоплеменных, клановых, а также иных отношений. Эти «внесистемные государства» часто были нестабильными, с множеством внутренних противоречий и борьбой за власть. Они также нередко весьма условно разделяли вестфальские принципы международного взаимодействия.

Конечно, можно согласиться с Ст. Краснером, что и ранее Вестфальская система включала «невестфальские государства», да и вообще не было того, что можно назвать «золотым веком Вестфалия»¹⁶. Но, вновь, как и в случае с негосударственными акторами, во второй половине XX в., мы имеем принципиально иные масштабы практически одномоментного расширения политической системы мира за счет «невестфальских государств», что стало вести к ее эрозии изнутри.

Впрочем, в период холодной войны жизнедеятельность «невестфальских государств» во многом «определялась» извне, той или другой сверхдержавой. Они использовались в блоковом противостоянии, но одновременно ситуация в них контролировалась так, чтобы эти государства не создавали проблему всей политической системе мира¹⁷. Иными словами, их суверенитет и активность было до определенной степени ограничено блоковым противостоянием, и тем самым они, хотя и искусственно, но удерживались в рамках Вестфальской системы.

¹⁶ Krasner St. D. Compromising Westphalia / International Security, Vol. 20, No. 3 (Winter, 1995-1996), pp. 115-151.

¹⁷ См., напр., Rasmussen J.L. Peacemaking in the Twenty-First Century: New Rules, New Roles, New Actors. / Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques // Ed. by I.W.Zartman and J.L.Rasmussen. - Washington D.C.: United States Institute of Peace, 1997. - P. 23-50.

После окончания холодной войны ситуация оказалась более сложной. С одной стороны, суть «невестфальских государств» в целом мало изменилась. Более того, в некоторых из них обострились внутренние противоречия, и государственные институты фактически полностью распались, а власть оказалась, в руках религиозных групп, как это, например, произошло в Афганистане с приходом талибов. В своей деятельности эти группы мало ориентируются на правовые и ценностные нормы Вестфальской системы. Ярким примером здесь может служить уничтожение талибами в 2001 г. древних фигур Будды, вытесненных в скале в провинции Бамиан, несмотря на все обращения к ним других государств и международных организаций.

С другой стороны, любые вмешательства во внутренние дела этих государств, по крайней мере, с формальной точки зрения, осуществлять становится не так-то просто (хотя прецеденты, разумеется, были). Международное право, исходя из принципа суверенитета, защищает не только отдельные государства, но главное – саму государственно-центристскую систему мира, как таковую, а значит, и слабые, авторитарные, коррумпированные и т.п. государства.

В результате политическая система мира к концу XX столетия столкнулась с сильнейшими противоречиями, связанных со «сшибкой» международных норм и принципов, на что обращает внимание, например В.М.Кулагин, описывая современный политико-правовой режим¹⁸. В частности, в противоречие вступили такие принципы, как, право нации на самоопределение, с одной стороны, и сохранение целостности государства – с другой; прав человека – с одной стороны, и национального суверенитета – с другой. Конечно, все эти противоречия были заложены ранее, но проявляться стали тогда, когда политическая система мира стала глобальной без каких-либо политических ограничений для «невестфальских» государств.

¹⁸ Кулагин В.М. Политико-правовой режим современных международных отношений / Современные международные отношения // Под ред. А.В. Торкунова. – М.: РОССПЭН, 2000

«Внесистемные выбросы» все в большей степени начинают охватывать политическую систему мира, подводя ее к кризисному состоянию. Процесс размывания международных норм начинает затрагивать наиболее опасные области, в частности, такие, как ядерное нераспространение. Так, Северная Корея продемонстрировала необыкновенную легкость выхода из ДНЯО без каких-либо серьезных для себя последствий; другие государства – Индия и Пакистан, например, вообще не вступали в Договор и разработали ядерное оружие. К этому следует добавить проблему возможного попадания ядерных компонентов в руки террористов, которые, кстати, могут применить, так называемую «грязную бомбу» из соображений своеобразного присоединения к «ядерному клубу».

Предкризисное состояние государственно-центристской политической системы мира проявляется и в том, что четкое разделение на внешнюю и внутреннюю политику, которое предполагается основными принципам Вестфальской модели, перестает работать даже, казалось бы, в совершенно традиционных сферах. Так, если в рамках условно «классической» Вестфальской системы внутригосударственные регионы оказывали влияние на внутривнутриполитические процессы своей страны, а международные организации – на международные, то теперь это не так. Внутриполитические регионы все чаще выходят на региональный уровень, игнорируя национальные границы, в том числе, например, в рамках ЕС, а порой пытаются действовать и на глобальном уровне, в то время как международные организации активно вовлекаются во внутренние проблемы государств, в частности при урегулировании конфликтов. Один из примеров активная деятельность ЕС, НАТО в Косовском кризисе. В результате все менее актуальным становится прежняя жесткая дихотомия: внешняя политика – внутренняя политика, а нередко вообще происходит путаница с «зонами ответственности».

Наконец, предкризисное состояние политической системы мира проявляется, возможно, менее заметно, но не менее серьезно в том, что все большая сфера отношений в

мировой политике оказывается в так называемой «серой зоне», где сложнейшим образом переплетаются с одной стороны, законные, прозрачные действия, с другой - незаконные. Очень четко это сформулировано героем Николса Кейджа в фильме «Оружейный барон», когда он признается, что создавал такие сложные схемы поставок оружия в развивающиеся страны, что часто сам не понимал, действует ли он законно, или нет.

Изменения политической системы мира, обусловленные, как активностью негосударственных акторов, так и включением большого числа «невестфальских государств» в Вестфальскую систему мира протекают в условиях научно-технической революции, которая по выражению Дж. Розенау «спустила с поводка процесс глобализации», сделав национальные границы прозрачными и облегчив взаимодействие различных акторов. Однако этим дело не ограничилось. Продукты научно-технической революции позволяют сегодня небольшой группе людей наносить огромный ущерб, который ранее способно было сделать только государство, тем самым, воплощая в жизнь образы научно-фантастических сюжетов. Даже создание ядерной бомбы, по оценкам П. Циммермана и Дж. Левиса, в настоящее время оказывается посильной задачей для группы менее 20 человек при общих затратах менее, чем 5,5 млн. долл. США¹⁹.

Все это порождает парадоксальную ситуацию. С одной стороны, возрастает взаимозависимость, которая стала возможной благодаря развитию современных средств коммуникации и информации. С другой стороны, те же технологии дают возможность той или иной организации, или структуре (в том числе, и государству) действовать довольно долго в автономном режиме, обеспечивая себя всем необходимым. Это достигается различными способами, например, за счет использования сетевых связей, в том числе традиционных через которые обеспечивается доставка необходимых продуктов, финансов, нужной информации и т.п. В других случаях те же научно-технические инновации обеспечивают возможность создания продукта взамен недоступного.

¹⁹ Zimmerman P.D., Lewis J.G. The Bomb in the Backyard / Foreign Policy. – 2006. – November/December. – P. 33-39.

В качестве реакции на предкризисное состояние существующей политической системы мира, которое проявляется в различного рода конфликтных феноменах, возникают альтернативные проекты политического мироустройства. Один из наиболее очевидных проектов связан с идеей выстраивания политических и иных социальных связей и отношений на основе норм ислама. Причем, такое устройство социально-политической и экономической жизни отчасти уже реализовано, на двух из четырех уровнях, выделенных А.Малашенко – локальном и национальном²⁰. На двух других – региональном и глобальном – таких успехов пока нет (если не учитывать существование халифата). Тем не менее, важен сам факт того, что исламский глобальный проект носит вполне конкретный и более того, «апробированный» характер на более низких уровнях.

Надо сказать, что альтернативные глобальные проекты были в истории и ранее. Все они предлагали свои модели политической организации мира. Так, коммунистический проект в его изначальном марксовом варианте был также альтернативным проектом, предполагающим иные политические отношения, иную структурную единицу (класс), иную политическую систему. Кстати, этот проект появляется и получает развитие также в своего рода новый этап развития европейских стран, когда капитал в целом заканчивал «освоение» национального государства, и начал осуществлять «массовый» выход за его пределы. Однако в дальнейшем при практическом воплощении коммунистического проекта в России, а затем и в других странах, идея глобальной перестройки социально-политических отношений в мировом масштабе отодвинулась в неопределенное будущее, а усилия сосредоточились на развитии национального государства.

Анархистский глобальный проект, появившейся примерно в то же время, что и коммунистический, также поставил под сомнение государственно-центристскую систему политической организации мира. В отличие от коммунистического проекта основной

²⁰ Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект. – М.: Весь мир, 2006.

единицей организации общества предлагалось взять не большие социальные группы – классы, а структурные образования производителей – синдикаты.

Таким образом, факт существования альтернативного, в частности основанного на нормах ислама проекта, не представляется чем-то особенным, а является лишь вызовом остальным с учетом того факта, что, несмотря на рост сторонников ислама (в том числе, и за счет демографического фактора) количество людей, исповедующих его, даже при самых завышенных оценках составляет явно менее 40% населения земного шара. Сложности и опасности в другом. Во-первых, попытках реализации проекта в глобальном масштабе террористическим методом и тем самым превращении проекта в исламистский (т.е. радикальный), главным проводником которого выступает «Аль-Каида».

Во-вторых, исламистский проект глобального политического устройства возник в очень сложном регионе, крайне насыщенном конфликтами. Это и Ближневосточный конфликт, и иракский, и афганский, и конфликты на Кавказе, который географически примыкает к Ближнему и Среднему Востоку, а также который близок им в конфессиональном отношении, и др. конфликты. Сам факт наличия глобального проекта дает всем этим конфликтам принципиально иную идейную основу, трансформируя ряд частных конфликтов в «цивилизационное» противостояние и резко расширяя социальную базу поддержки идеи альтернативного мироустройства.

Наконец, в-третьих, исламистский проект появляется в период, когда политическая система мира находится в предкризисном состоянии и по многим параметрам не отвечает современным реалиям. Разрушение существующей политической системы сегодня, пожалуй, уже не является неосуществимым делом, особенно, если принять во внимание научно-технические возможности.

Предотвратить кризисные варианты «обрушения» политического развития мира в результате того или иного альтернативного проекта можно лишь путем осознания проблемы и начала переговорного процесса (по всей видимости, комплекса

многоуровневых и многосторонних переговоров) по изменению существующей политической системы с целью ее адаптации современным реалиям, или выстраиванию новой политической системы. Очевидно, сама по себе задача крайне сложная, и она потребует значительных усилий и времени для поиска решений.